

Роксэн Руж

**(НЕ) ГАДАЙТЕ
НА ЛЮБОВЬ**

УДК 82-3
ББК 84
Р83

Р83 **Руж Р.**
(Не) гадайте на любовь / Роксэн Руж – М.: Литнет, 2025. – 308 с.

ISBN 978-5-521-93412-6

Раз в крещенский вечерок
Девушки гадали:
За ворота башмачок,
Сняв с ноги, бросали.

Вот и я не стала исключением, запустив калошей прямо в лоб бежавшему
за мной следователю. Попала? Однозначно...

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-93412-6

© Литнет, 2025

© Р. Руж, 2025

Глава 1

– А вот за это я тебя лет на двадцать закрою, поняла? – Меня практически ткнули нашкодившим носом в чёрный мусорный пакет, аккуратно сложенный в формат кирпича.

– Серьёзно? – округлила я глаза со страху. Мне нельзя на двадцать лет, мне даже на час нельзя опоздать, дабы сына из сада успеть забрать. – Я не знала, – пискнула, с ужасом разглядывая целый пласт моих несбыточных надежд.

– Незнание закона не освобождает от ответственности, – проноудил следователь, бросая на стол пакет. Поднялось облачко белой пыли. Глаза моментально заволокло, в носу засвербело. Громогласный чих удержать внутри себя не получилось.

– Будьте здоровы. – Полное сарказма пожелание вылетело из его ухмыляющегося рта.

И вам не хворать – подумала, но вслух ничего не сказала. Как я уже успела заметить, юмор не входил в набор личных качеств этого мужчины. Хотя, в органы шутники и не попадают...

Следователь уселся на скрипнувший совдеповский деревянный стул, а я скукожилась на своём, попадая под леденящий серебром взгляд.

Он смотрел на меня не отрываясь. Я всё глубже вжимала голову в плечи, жалея о каждом сантиметре своего полутораметрового с кепкой тела, точнее, с высоко начёсанным искусственным париком...

Полнейшая абсурдность ситуации не давала светлым мыслям пробиться в мою голову. А пронизывающий до пяток взгляд лишил и тех, что были нажиты непосильным жизненным опытом. Ёрзнув ещё раз на стуле, я промямлила:

– Егор Дмитриевич, может, договоримся как-нибудь?

– Ты совсем уже сбрендил? – прорычал он. – Сверху ещё пять лет за взятку захотела?

– Никак нет. Какая взятка, вы что?! Я просто... С меня и взять то нечего. – Кроме очевидного. В это самое очевидное следователь и вонзился взглядом. Ну да, даже в моём угловатом теле имелись впечатляющие окружности. Расправила на груди рябинного цвета крупные бусы...

Правильно вот этот вот бугай выразился – сбрендил. По-другому и не скажешь. Полнейшей дурустью было согласиться на уговоры подруги. Натянуть на себя балахон Бабы Яги, не удивлюсь если взятый напрокат в местном доме творчества. Спрятать собственные русые волосы под кудрявый чёрный парик, от которого жутко чесалась голова, и так же жутко воняло третьесортной синтетикой. И что было глупее всего – ассистировать при процедуре снятия проклятия безбрачия вон с того бесчувственного пня...

А оно мне надо было? Нет, не так... А оно ему надо было? Навряд ли.

О Боги, и достанется же кому-то это мутиловое счастье... Хотя один плюс из маячивших на горизонте перспектив от двадцатипятилетнего срока – данное счастье точно обойдёт меня стороной.

Ну не дура ли!? Вот и о чём я сейчас думаю? Мне бы о собственных чаяниях переживать, а не о чужих...

Включился режим ямать, глаза застлали кипячённые слёзы. Очертания сидевшего за столом следователя в очередной раз размыло.

– Начинается! – сказал он недовольно. Что-то чиркнуло. Потянуло неприятным запахом. Я опять остервенело чихнула. Будучи аллергиком, такая реакция на сильные запахи была для меня вполне привычной.

– Егор Дмитриевич, не погубите! – Апчихи. – У меня сыночек маленький совсем!

– Сын? – Что-то в его голосе как будто дрогнуло. Неужели, и в этой ледяной глыбе имеется что-то напоминающее доброту? А вдруг всё-таки пожалеет? Когда речь идёт о тюрьме, тут уже не до гордости. А страх за судьбу сына толкнул на полное безумие – я решилась на обман, подумав, что к тёске следователь будет лояльней относиться...

– Сыночек. Егорушка. – Слезы брызнули из глаз в три ручья от стыда перед сыном – Богданом. Нос моментально забило. Тут уже и до икоты было недалеко...

Оторвала от пришедшего в полную негодность балахона лоскут ткани, всё ещё сырой от возни в снегу во время «задержания». Промокнула глаза и высморкалась. Вновь посмотрела на следователя...

Задержатель хренов. Единственное, что меня сейчас успокаивало, так это его рваные на коленях джинсы и очевидные мокрые пятна от того же растаявшего снега на тёмно-синей варёнке.

Просто так я не далась, да...

– Он совсем маленький. А я одна его воспитываю, Егор Дмитриевич. Совсем...

Непонятное выражение блеснуло в его правом глазу, левый же оставался безучастным, подсвечивая разноцветной палитрой поставленного мною «фонаря». Нет, туда лучше не смотреть, дабы не будить книжного червя, который начнёт опять сухо перечислять все статьи уголовного кодекса, которые я нарушила, зафинтилив калошей аккуратно в должностное лицо...

Вернула своё внимание на не пострадавшую часть уже скривившегося в скептической ухмылке следователя. Слезы застряли в горле, когда он поднял телефонную трубку и сказал кому-то зайти.

Вошедшего мужчину я уже имела счастье видеть сегодня. Именно он смеялся громче всех, когда мы с этой ледяной глыбой нарушили монотонный рабочий процесс местного отдела полиции своим эпичным появлением. Он – в мокром рванье, с подбитым глазом. Я – в мокром рванье, со съехавшим вбок париком. Красота...

И на этот раз коллега моего инквизитора не обошёлся без порции гортанного смеха.

– Прости, Егор Дмитриевич, никак не привыкну к твоему подштрихованному облику, – сказал тот, утирая слёзы, вызванные смехом. Меня он просто-напросто даже не заметил, хотя я была этому только рада. На всякий случай всё равно прикрыла лицо ладонью по образу и подобию тех самых... не поступивших...

– Отнеси этот пакет на экспертизу. Срочно надо.

– Егор Дмитриевич, скажи, что ты пошутил! – Вмиг посерьёзнел его коллега по правовому цеху.

– Степан Юрьевич, а по мне разве заметно, что я сейчас шучу?

– Даже не знаю. Справа посмотришь – вроде нет, слева – да. – Я еле удержалась, чтобы не фыркнуть в качестве поддержки этому дельному наблюдению. У Егора Дмитриевича явно проступало на лице раздвоение личности.

Следователь взглянул на меня ястребом, даже защитная решётка из пальцев не помогла – по телу пробежал озноб. Так обычно бывает, когда шестое чувство начинает бить тревогу – быть беде.

– А ты случайно не забыл, Егор Дмитриевич, что только что прошли новогодние праздники. Экспертиза на ушах стоит. Сегодня сам нож с «мокрухи» сдал, так меня чуть этим ножом и не... – Он резко замолчал, как будто вспомнив, что в кабинете они не одни, прервав свой страшный рассказ. – А у тебя тут обычный рождественский шабаш. – А он мне, кажется, начинает нравиться. Сразу ведь понял, что ряженные мы и к криминальному сегменту не имеем никакого отношения... – Закрой эту мультяшку на пятнадцать суток за аморальное поведение, и дело с концом, а там и экспертиза разгрузится.

Твою мать! Твою ж мать! Какие пятнадцать суток?!

– Степан Юрьевич, у меня тут как минимум полкило. Ещё попытка побега, плюс нанесение телесных повреждений уполномоченному лицу при задержании. Пусть быстрее сделают. По моей личной просьбе. Вот, дай девчонкам к чаю за расторопность.

Вот оно значит, как всё здесь происходит?! И эта высокоморальная сволочь ещё что-то говорила про взятки?! Сам же как ни в чём ни бывало достал из ящика своего стола подкат – коробку конфет «Мишки на севере» – и передал его своему не менее высокоморальному коллеге. А мне лишь за один невинный намёк хотел накинуть ещё пять лет. А вон тот мужик так и вовсе идеями страшными раскидывается...

Всё-таки не зря их все ненавидят, не зря называют за глаза «мусорами». Ну что же, теперь и у меня появилось аргументированное право присоединиться к гласу общественности.

– Ладно, давай сюда свою контрабанду. Не дай Бог там окажется какая-нибудь толчённая полынь с мышиным помётом. С девчонками сам разбираться пойдёшь.

– Там земля кладбищенская. – Я оторвала от лица ладонь. Раз эти двое так боятся своих коллег-женщин, то стоит этим воспользоваться. – Для ритуала нужна была, Егор Дмитриевич, ну чтобы... – изобразила пальцами ножницы в действии. – Как бы правильно выразиться... Чтобы освободить вас от венца безбрачия.

– Я чего-то не знаю, Егор Дмитриевич? Жениться надумал, а злые духи не разрешают? – удивлённо воззрился почему-то на меня, а не на своего коллегу, второй следователь.

– Не мели чепуху. Под прикрытием работал. Давай, неси уже.

– А ты её саму то на экспертизу водил? Может она это, того? – Дважды свистнул.

Боже мой, ну почему так?! Стоит мне только открыть рот и в мой адрес летят новые обвинения. Уже непонятно в чём конкретно меня подозревают. А ведь я не соврала ни разу. Почти...

– Там правда кладбищенская земля, – сказала я, глотая горькие от обиды слёзы. По крайней мере, так меня заверили в магазине «Чёрная кошка», куда я отправилась по поручению подруги купить нужные для ритуала атрибуты. Сама она этого сделать не могла, так как была временно обездвижена гипсом до бедра.

Я очень удивилась разнообразию товаров в ведьмовской лавке, и не менее – разномастной длинной очереди, выстроившейся за чудотворной хренью. Такое скопление паломников я видела лишь тогда, когда работала в сетевом маркетинге и пыталась «подняться» на бадах для снятия отёчности. Видимо, надо было слушать подругу и идти зарабатывать на кроличьих лапках...

Такое помешательство на колдовстве случилось с нашим небольшим городком – даже не миллионником – несколько лет назад, когда один из местных жителей вышел в финал знаменитого телешоу «Экстрасенсы». До первого места не дотянул, мол, денег не хватило. Но и бронза запустила настоящий ведьмовской бум. И вот он результат – пласт кладбищенской земли в руках глядящего на меня с подозрением следователя...

– Знаешь, Егор Дмитриевич, маловато будет одной лишь коробки конфет. Накинь сверху ещё коньячка за моральный ущерб, так сказать.

Мой инквизитор ничего на это не ответил. Вновь нырнул в ящик, достал из него Арарат пятилетней выдержки, вручил его напарнику. Мне же оставалось молча наблюдать за творившимся вокруг беспределом. Одна надежда была лишь на порядочность логистической группы Чёрной кошки, если, конечно, таковая там имелась, дабы поставлять в массы стопроцентную кладбищенскую землю, а не какой-нибудь... суррогат. Например, подруга раньше легко обходилась землёй из придомовых клумб, это теперь ей статус известной гадалки не позволял разорять общественные насаждения...

Боже, хоть бы в земле той кладбищенской не обнаружили какие-нибудь вымирающие рачки! За такое вон та бессовестная ледяная глыба с двойными стандартами мне как минимум пожизненное впаяет.

Да уж, удружила подруга дней моих суровых. Только бы выйти отсюда, желательно не через двадцать пять лет, и даже не спустя пятнадцать суток...

Только бы она догадалась Богдана из сада забрать, или хотя бы позвонить моей маме...

В глазах вновь закипели слёзы полнейшего бессилия. Я посмотрела сквозь дрожащую пелену на совершенно равнодушных до моих печалей мужчин. Один прострелил ледяным холодом неподбитого глаза, второй так и вовсе больше интереса проявил к этикетке чёрной с напылением бутылки.

– Ладно, уговорил. – наконец сказал он, направляясь к двери. И как только та за ним закрылась, оставшийся «мусор» обратился ко мне:

– Ну что же, Глафира Урсуловна Кво из культа Геены огненной, десятого ранга рассветной тьмы, обладательница печати невесты дьявола, – и как он это всё умудрился запомнить и повторить скороговоркой? – у нас есть несколько часов. Давайте используем их с умом...

Мне, как женщине, в последний раз проводившей время с пользой несколько лет назад, если точнее – семь, было неловко от его предложения. Это же было оно ведь?

– Егор Дмитриевич, вы сейчас что имеете в виду? – на всякий пожарный уточнила я, снова хватаясь за свои рябиновые бусы словно за оберег. Эх, точно надо было ту кроличью лапку на веревочке брать. К удаче, говорят. Может, всё-таки пронесёт, а?

Он встал из-за стола и обошёл его. Исчез барьер, что разделял нас. Да и для глаз не осталось препятствий.

Я оглядела его, начиная с полуспортивных ботинок на шнуровке. Пробежалась взглядом по синим джинсам, на которых более тёмные пятна начали видоизменяться, превращаясь в белёсые от насыпной дорожной соли кляксы. Кожаный ремень фиксировал их на узких бёдрах. Дальше Егор Дмитриевич шёл больше в ширь, нет, он не был в весовом излишке, просто он был в теле – в нормальном мужском теле, когда и грудь колесом, и плечи широкие. В общем, коса и сажень были на месте. Водолазка позволяла разглядеть совсем небольшой животик.

Взгляд зацепился за маслянистую дорожку, думается, безвозвратно испортившую кашемир – это я нечаянно пролила во время ритуала лампадки с ароматизированным маслом. А на плечах всё ещё виднелись следы от накапавшего воска. И это тоже была я...

– Ну так что, Глафира Урсуловна Кво из культа Геенны огненной, десятого ранга рассветной тьмы, обладательница печати невесты дьявола, как поступим?

– Вы же меня на все двадцать пять эмм... засадить хотели, Егор Дмитриевич. – Вновь пробежалась взглядом по джинсам, стопорясь на... ремне. Просто с моего сидячего положения именно он лучше всего попадал в объектив.

– Я и сейчас хочу засадить на все двадцать пять, Глафира десятого ранга. Просто даю шанс тебе с наименьшими потерями...

– Нет, – прервала я его речь.

– Что – нет, Глафира – повелительница тьмы?

– Ирина. – Прорычала я собственное имя, а то ЭТОТ так и будет подкалывать меня сценическим псевдонимом. Ему шутка-прибаутка, а у меня ком в горле каждый раз и нервный тик в глазу. – И да, нет, спасибо.

– Ирина, значит? Опять врешь?

Да иди ты...

– Ирина – моё настоящее имя, Егор Дмитриевич.

– Ну что, Ириш, договариваться то будем? Наркоту я с тебя списать никак не смогу, сама понимаешь, а вот на побои глаза закрою, так уж и быть.

– Да вы итак уже глаз один закрыли, – ляпнула, прежде чем успела подумать о перспективах.

– Умная сильно, да?

Была бы умная сильно, здесь бы не сидела. А так, получается, глупая сильно...

– Я не понимаю, чего вы от меня добиваетесь, Егор Дмитриевич! – Ударилась в эмоции окончательно. Голос срывался практи-